

ФИЛОСОФИЯ КОНФЛИКТА

Субкультура закрытых обществ

НА ГРАНИ ПРЕСТУПНОСТИ

Закрытые сообщества существуют с тех пор, как существует человечество. Их всегда составляли люди, которые, по тем или иным причинам, на время или навсегда, оказывались изолированными от общества. Местами их изоляции были тюрьмы (или то, что потом стали называть тюрьмами), армия и учреждения, в которых содержались умалишенные, впрочем, они ранее тоже помещались в тюрьмы. К закрытым сообществам можно отнести и специальные заведения для детей и подростков, лишенных попечения родителей или лиц, их заменяющих, но, конечно, такие заведения появились достаточно поздно. Наибольшей изоляцией и закрытостью, по понятным причинам, отличались и отличаются тюрьмы.

Изолированные сообщества отличаются особой субкультурой, своей, только им присущей атмосферой, специфическими порядками, которые, в сущности, есть ни что иное, как существующие в этих сообществах отношения между людьми. Человек, люди – это основной, ведущий элемент любого закрытого сообщества, это его центр, даже если иметь в виду гитлеровские или сталинские концлагеря. Субкультуру каких сообществ составляют их специфические обычаи, традиции, иерархия и структура, а также нравственные и правовые нормы, регулирующие там отношения между людьми? Это всегда субкультура, но она никогда не бывает полностью оторванной от культуры всего общества. Это и понятно: архетипические образы не могут исчезнуть только потому, что группу людей насильно или добровольно отделили от всех остальных.

Сообщества людей, изолированные от других, всегда привлекали к себе повышенное внимание – писателей, журналистов, ученых, политических деятелей и, разумеется, обывателей. Поэтому всегда повышенным спросом пользуются книги, статьи, очерки и фильмы о тюрьме, намного реже – об армии, еще реже о специальных заведениях для детей, лишенных попечения родителей. В недалекие советские годы практически полный запрет существовал на тюремные темы, все, что касалось жизни осужденных, неизбежно снабжалось ярлыком «секретно». Примерно такое же табу распространялось на армию: о ней можно было писать лишь как об «армии-освободительнице», как о месте, где со-

ветские люди исполняют свой священный долг. Любая критика армейских порядков жестко преследовалась.

В этом смысле тюремным учреждениям повезло больше. О них еще в XIX веке писал Ф.М. Достоевский, затем А.П. Чехов и В.М. Дорошевич. Выдающимся тюрьмоведом был М.Н. Гернет, можно назвать также Б.С. Утевского, Н.А. Стручкова, И.В. Шмарова, А.С. Михлина, хотя следует признать, что их научные труды в основном раскрывали правовые вопросы отбывания уголовного наказания.

Армии и детско-юношеским закрытым учреждениям в этом смысле повезло значительно меньше, их бытописателей очень мало, хотя среди них возвышается гигантская фигура Ч. Диккенса.

Предлагая читателям серию статей о закрытых сообществах, редакция журнала «Философские науки» надеется привлечь внимание общества к непростым, а подчас и болезненным проблемам таких коллективов. При этом мы понимаем, что речь идет скорее о феноменологии и проблемах, чем их решении. Авторы надеются, что за каждой статьей читатель увидит соответствующую проблему и начнет думать, пусть сначала только думать.

Да, положение человека и правосознания в армии ужасно. Но как, спрашивается, мы дошли до такой жизни, и почему личность и «человеческое в человеке», в нашей войне уже не просматриваются? Можно ли мириться со всем этим, как предлагают некоторые и считать, что лучше ничего не менять? И невольно возникает вопрос: что это за общество, которое закрывает глаза на страдания и деградацию детей и молодых людей?

Тюремная субкультура — фантастический и страшный мир; сама тюрьма, которая не перевоспитывает, а наоборот, низвергает человека в ад и, вовсе не в переносном смысле, а в ад настоящий, на земле. Что это за цивилизация и реальность, где сосуществуют и перетекают как в сообщающихся сосудах цветущие города и нормальная жизнь с тюрьмами, миром «воров в законе» и адом на земле, а тюремная философия стала частью обычной философии?

Возникает подозрение, а не настигла ли нас сама смерть при жизни, иначе как все это можно объяснить? Современный человек думает, что если он низверг того, кто угрожает его спокойствию и благополучию, в ад, отгородил преступника высоким забором и колючей проволокой, то, тем самым, он спасся. Но, может быть, наоборот? Не пора ли проснуться, чтобы хотя бы сначала сказать, «какой страшный сон мне приснился», а затем, поняв, что это не сон, ужаснуться и, решить — так дальше жить нельзя.

Как говорил Аристотель, «начало всегда трудно». И мы начинаем!

*Ю.М. Антонян, руководитель проекта
В.М. Розин, член редколлегии журнала «Философские науки»*